

Утро 19 июля 1936 года центральные газеты страны вышли с жирными траурными рамками по всей странице. Умер Горький... Алексей Максимович... Великий пролетарский писатель... Буревестник революции...

Заключение врачей отвечало на вопрос, возникший у каждого:

«Смерть А.М. Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доли легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца».

Кто бы знал, что таким будет исход после его тайной встречи с внуками, болевшими гриппом. В тот день он был утомлен после приезда из Крыма, но встретиться с девочками очень хотелось, и ему эту встречу устроили. Ослабленный организм принял изрядную дозу заразы, с которой справиться ему не удалось.

Вопреки желанию родных, которые хотели похоронить Алексея Максимовича на Новодевичьем, поближе к сыну, и его волеизъявлению, Горького кремировали. Вышедшие после похорон газеты обнадежили:

«Прах его покоится в почетном месте земного шара – в Кремлевской стене на Красной площади».

В «Правде» разразился стихами «дежурный» поэт Демьян Бедный, поднаторевший писать панегирики:

Художник удивительной судьбы,
Боец всеокрушимейшей удачи,
Друг класса, сбившего дворянские гербы,
И буревестник классовой борьбы...
Дать верный лик его – труднее нет задачи.

Отдавший жизнь свою великой цели, он,
Чей путь был боевым и мудро-человечным,
Войдет в советский пантеон
Художником, бойцом и нашим другом вечным.

Одна из строчек стиха была пророческой: «Дать верный лик его – труднее нет задачи».

И к слову она пришлась. На следующий день после похорон в «Известиях» можно было прочитать сообщение:

О памятнике А.М. Горькому

Для увековечения Алексея Максимовича Горького Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный комитет ВКП(б) постановили воздвигнуть памятнику А.М. Горькому в гг. Горьком, Ленинграде и Москве за счёт государства.

Поручено Комитету искусств при СНК Союза СССР организовать конкурс на памятник А. М. Горькому с привлечением лучших сил.

Наверное, лучшим скульптурным силам тогда думалось, что они легко справятся с этой задачей. Горький был колоритной фигурой, а лицо его будто было сотворено резчиком. Тут даже не надо было особо подбирать материал. Подойдет глина, гипс, мрамор, гранит, бронза... В мастерских уже стояли эскизные заготовки выставочных скульптур Горького.

Никто бы тогда не подумал, что для выполнения постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) упонадобится долгих 16 лет.

Первые три года «лучшие силы» потратили на то, чтобы «дать верный лик» Горького.

К исканиям подключились все, у кого разгорелись буйные фантазии на тему – каким видится памятник Горькому и где он должен стоять?

Строки писем и газетных публикаций с предложениями невозможно читать без определенного содрогания: а вдруг хоть одно из этих предложение было бы принято.

Вот, к примеру, один из авторов предлагал поставить памятник Горькому на Стрелке. Но не просто памятник, а возвести целый «музей-панораму эпохи жизни и творчества писателя». Музей должен быть сооружен в виде пирамиды, на самой вершине которой стоял бы фигура Горького «в позе стремящегося вперед и с книгой в руках, и сияющая днем и ночью, как маяк». Но этого фантазеру показалось мало. По его мнению, на памятнике должен быть укреплен радиорупор, передающий ежедневно «в часы рождения и смерти писателя лучшие страницы и заветные мысли из его произведений».

Сколько бы поколений горьковчан знало наизусть всего Горького, и проклидало его час рождения!

Еще предложение: построить в Кремле на территории Мининского садика огромное здание с плоской крышей. На этой крыше и разместить Горького, а само здание использовать как выставку достижений. То, что здание закроет вид на Волгу, – не беда. Телевизионные камеры, укрепленные на памятнике, должны показывать «панорамы окрестностей города, видимых с памятника». Только что народившееся телевидение уже пошло в дело. Предложено еще и то, что мы сегодня называем интерактивностью: каждый, поднявшийся на крышу здания ночью, мог включить специальный рубильник и увидеть, как на заволжских лугах

в 2–6 километрах от города загоралась гигантская надпись – «Максим Горький». Красиво? А то!

Скульптурным гигантизмом 30-х годов заразилась и провинция. Чем она хуже?

Крестьянин Успенский из деревни Красная Слобода Большемурашкинского района видел писателя на невысоком гранитном пьедестале, а у подножия распластавшегося в гордом взлете буревестника. И еще группу героев романа «Мать», «устремляющихся в революционном порыве», тут же «как символ гибели старого мира под натиском этой силы – изображение смертельно растерянного Артамонова».

Были вполне прагматичные предложения. Собор Александра Невского на Стрелке по причине наступления всеобщего атеизма оказался не нужным. Взрывать его раздумали. Что ж ему пропадать зря. Вот на самую верхотуру и предполагалось водрузить Горького. Заодно, он и маяком послужит.

Или еще экономичный вариант. Место на Дмитровской башне кремля. Попутно можно и площадь переименовать.

Скульпторы, на которых возлагалась надежда по поиску «верного лика» писателя, свои поездки в Горький не афишировали, но многие здесь побывали, прикидывая, где бы мог встать Горький.

Летом 1938 года в город приехал малоизвестный скульптор Исаак Абрамович Менделевич. Известным он станет после того, как в городе появится памятник Чкалову его работы. А пока они просто друзья.

Скульптора сопровождал Чкалов, а встречал журналист Леонид Кудреватых, помощник летчика по депутатским делам и еще кто-то, оставшийся неизвестным.

– Москвич, – рекомендовал Чкалов своего спутника.

Целый день Чкалов водил москвича по городу, показывал ему красивые места, гулял с ним по Верхневолжской набережной.

Чкалов как депутат, избранный в Верховный Совет СССР от трудящихся Горьковской области, и как истый волгарь глубоко интересовался ходом проектирования памятника великому земляку – Алексею Максимовичу Горькому и выбором места для строительства этого памятника в нашем городе. А скульптор Менделевич в то время как раз работал над проектом памятника великому пролетарскому писателю.

В предвечерние сумерки Валерий Павлович и Менделевич стояли на Откосе.

– Посмотри, Исаак Абрамович, – объяснял Чкалов скульптору, – какой это прелестный город. Тут сходятся и братаются две великие русские реки. Тут зелень откосов и корпуса новых заводов-гигантов. Памятник Алексею Максимовичу должен быть виден со всех концов города. Его надо установить на таком месте, чтобы им любовались с пароходов, подходящих к городу по руслу обеих рек. Одним словом, надо создать грандиозное произведение искусства. Такое произведение, чтобы посмотреть его приезжали со всех концов нашей большой страны.

Летчик и скульптор долго ходили по Откосу, подбирая место, где может встать памятник Горькому. Любил Горький Волгу и волжский люд. Самое место и памятнику стоять на высоком откосе. Наперво так и порешили.

Чкалов внимательно следил, как продвигается работа у скульптора. И уже в Москве завез нижегородского журналиста к нему в мастерскую.

– Прошу сюда, – пригласил к одному из станков. Он осторожно снял марлю, и перед нашими глазами предстал проект грандиозного памятника Алексею Максимовичу Горькому. Этот проект скульптор изготовил для выставки.

Скульптор мыслит осуществление своего произведения при определенном ансамбле городских кварталов и близлежащих к памятнику построек. На большой гранитной площадке, по краям которой расположены фигуры людей различных профессий, возрастов и национальностей, читающих произведения Горького, возвышается громадная глыба, увенчанная статуей писателя.

Скульптор предлагает три варианта статуи: Горький, смотрящий вдаль в За-волжье; Горький в начале творческой деятельности – он куда-то идет с закинутым за плечи плащом; и Горький устремленный вперед, призывающий.

Высота всего памятника в натуре мыслится примерно в 45–50 метров.

Чкалов внимательно осмотрел проект, сделал несколько замечаний, а потом, подумав, сказал:

– Знаешь, как мы с Исаак Абрамовичем думаем это сделать?

Памятник будет стоять высоко, на горе, против Окского моста. Надо сделать на гору широкую мраморную лестницу. Это будет лестница более красивая, чем прославленная лестница в Одессе. По бокам ее нужно расположить фигуры героев горьковских произведений. И сразу, когда человек пересекает Оку, перед ним встает величественная картина. По ступеням белого мрамора он поднимается к памятнику человеку, имя которого носит город.

Этот рассказ о посещении скульптора нижегородским репортером Леонидом Кудреватых и Чкаловым был опубликован в «Горьковской коммуне» 27 декабря 1938 года, через двенадцать дней после гибели Чкалова.

Одно из выбранных мест, которые облюбовали скульптор и летчик, у Георгиевской башни, через два года займет памятник летчику. Бытующая нижегородская легенда упорно твердит, что Чкалов занял место Горького. Это не совсем так. Площадка у башни рассматривалась как один из рабочих вариантов. Многие приезжавшие скульпторы положили на нее глаз, но считали, что она тесновата для их замыслов, им не нравилось будущее соседство современного писателя с глубокой стариной кремля, не устраивала скованность композиции, которую «диктовала» Георгиевская башня.

Как мы уже знаем, Чкалов и скульптор Менделевич выбрали место против Окского моста. Целая гора была в их распоряжении.

Эта история стала очередной нижегородской легендой, и ее часто можно слышать из уст экскурсоводов, вводящих в заблуждение гостей города. Правда, заблуждение это сиюминутное, гости тут же забывали о пальме первенства в выборе места для памятника Горькому, благо стоит он совсем в другом месте.

Вполне возможно, что ни Чкалов, ни Менделевич не ведали, что подхватили чужую идею с установкой памятника. Даже сейчас, выйдя на это место Откоса, чувствуешь, как дух захватывает от широты увиденного. Правда, место Горького там занял Жюль Верн, но и Горькому Откоса досталось. Давно уже сидит он неподалеку, охватывая взглядом свою любимую Волгу.

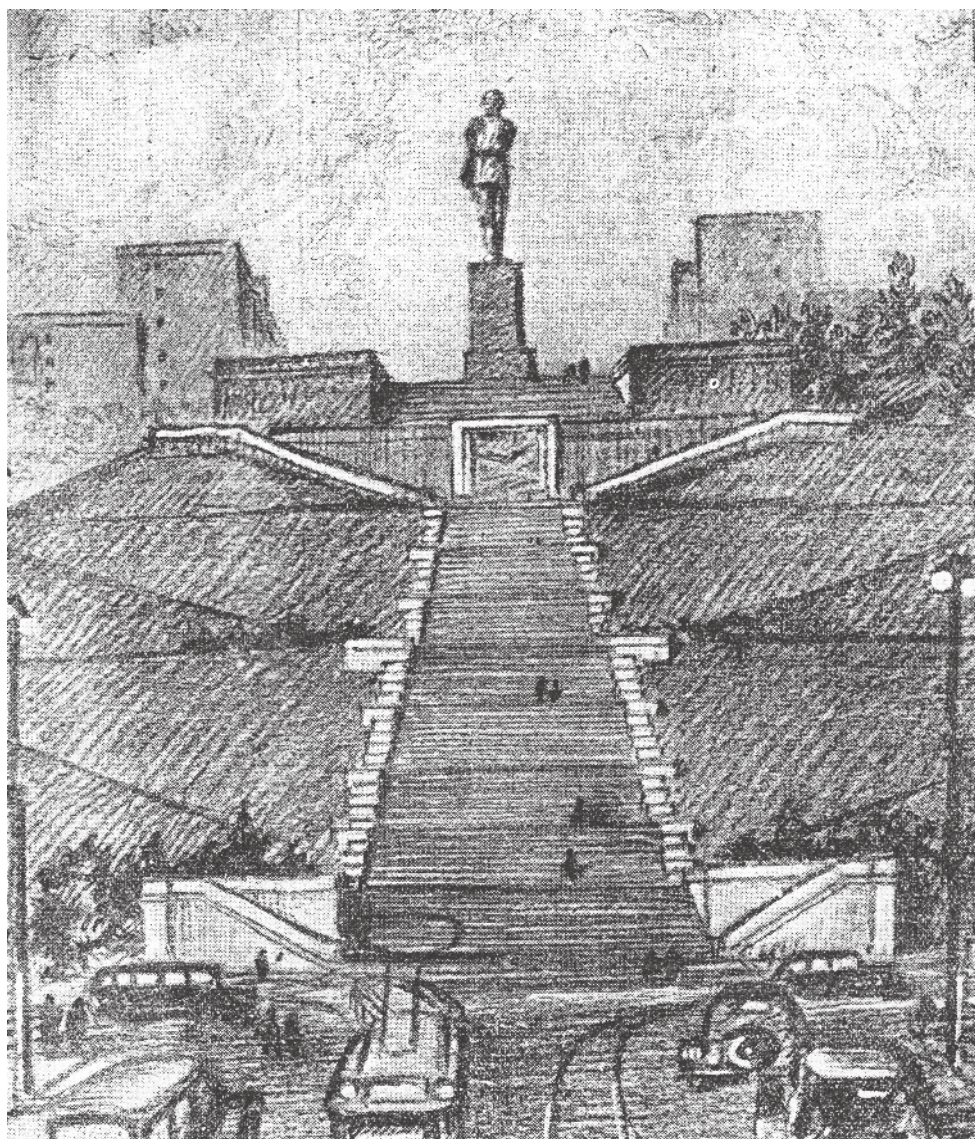
Восстановим справедливость, а для этого проследим хронологию возникновения идеи постановки памятника Горькому именно на этом месте Откоса. Чкалов с Менделевичем посетили это место летом 1938 года.

А вот заметка из газеты «Правда» от 21 октября 1936 года.

На горьковских предприятиях «Красное Сормово», автозаводе имени Молотова и других обсуждался вопрос, на каком месте воздвигнуть памятник Алексею Максимовичу Горькому в городе, носящем его имя.

После широкого обсуждения вопроса среди трудящихся города городской совет и краевой исполнительный комитет на специальном совещании с участием известного скульптора проф. Манизера решили установить памятник на горе, при слиянии Волги и Оки.

На участке, намеченном для сооружения памятника, начались работы.

Заметим, это писала газета «Правда» как о деле решенном. Правда, никаких работ на Откосе не велось еще три года, так как памятника Горькому не было в природе.

А теперь обратите внимание на рисунок, сделанный тогда еще молодым нижегородским архитектором Святославом Леонидовичем Агафоновым. Он опубликован в «Горьковской коммуне» 27 октября

1939 года. Вот так должен был выглядеть памятник Горькому на реконструируемом Комсомольском съезде. Название дороги от Окского моста в гору вряд ли кто сейчас уже помнит. Оно не прижилось. Говорят, что у приезжающих в Горький был всегда один вопрос: «В честь какого по счету съезда названа эта дорога?» Действительно, была нелепица, и с названием быстро простились.

Вам не напоминает этот эскиз иллюстрированную идею Чкалова, которую он высказал годом раньше?

А теперь обратите внимание на сам памятник. Знакомый силуэт? Именно такой Алексей Максимович Горький стоит в сквере нашего города на площади, носящей его же имя.

Все правильно. В апреле 1939 года в помещении Музея А.М. Горького Комитета по делам искусств при СНК СССР в Москве состоялась выставка проектов памятников А.М. Горькому. На этой выставке шел отбор памятников для Москвы, Горького и Ленинграда. Для столицы отобрали скульптуру работы Ивана Дмитриевича Шадра, а для Горького – Веры Игнатьевны Мухиной. Ленинград оставался пока без памятника. Достойных работ не было.

Так что горьковчане впервые увидели памятник своему земляку, который должен быть установлен в городе его имени, в октябре 1939 года. И все знали, что его автор та самая Мухина, которая прославилась огромным монументом «Рабочий и колхозница».

Но приключения памятника Алексею Максимовичу Горькому на этом не заканчиваются.

Мысленно перенесемся в апрельские дни 1939 года, когда в Москве была развернута выставка проектов памятников Горькому. Разве нам не интересно узнать, каким виделся памятник профессиональным скульпторам? Насколько у них хватало фантазии.

Газета «Правда» сообщила, что в Москве предполагается установить бронзового Горького на Манежной площади, на углу проспектов Горького и Кирова в Ленинграде и, как мы уже знаем, на волжском Откосе в Горьком.

Начнем наш осмотр с памятника, автором которого была Вера Игнатьевна Мухина. Она представила трехметровую фигуру молодого Горького. «Спокойная и уверенная поза, решительное выражение смелого лица писателя, только что вступившего на широкий путь общественной и литературной деятельности» – таким Горького увидели зрители. «Верный лик» у Мухиной сложился сразу, без вариантов. Горького она хорошо знала. Ей пришлось делать надгробный памятник сыну писателя – Максиму на Новодевичье кладбище. Тогда она сразу же «попала» в образ, и Горький без замечаний одобрил работу скульптора. Правда, Мухина расценила это по-своему:

«Мне кажется, это было чувство художника, что другому художнику мешать не надо».

В зале по соседству с Мухиной разместил свои работы известный уже нам скульптор Менделевич. Ничего нового, кроме того, что мы знаем, он в свои три скульптуры не внес, разве что у постамента – предполагаемого скалистого утеса, появились четыре скульптурные группы, показывающие читателей произведений Горького. Памятник был рассчитан на постановку его на волжском Откосе.

Дальше газеты сообщали: «Скульптор Королев меняет это место на другое, правда, не худшее. Он проектирует памятник внутри Горьковского кремля в окружении кремлевских стен, уступами спускающихся

к Волге. Эти уступы дали скульптору прекрасный мотив волн (скорее морских, чем волжских), разбивавшихся о камень, на котором стоит фигура Горького».

Знавшие скульптора Бориса Даниловича Королева, несомненно, были удивлены, увидев на выставке вполне реалистичный памятник писателю. Горький стоит на высокой скале, фигура писателя напоминала скульптуру Мухиной – молодого Горького. Чему же удивились бы знатоки творчества Бориса Даниловича Королева?

В то время скульптор был признанным кубистом. Он пытался приспособить то направление, в котором он работал, для создания памятников, которых требовалось все больше и больше. Он участвовал в первом советском конкурсе по «выработке проектов памятников Российской социалистической революции», положение которого утвердил сам Ленин. Королев избрал для себя образ анархиста Михаила Бакунина. Кстати, в этом же конкурсе участвовала и Вера Игнатьевна Мухина.

Современники, видевшие знаменитого анархиста Бакунина в гипсовом исполнении Королева, тут же прозвали его «марсианским идиолом». Критики успели написать: «Такого смелого опыта не было дано совершить ни одному кубисту».

Но этого «смелого опыта» не довелось увидеть массовому зрителю. Памятник снесли еще до открытия.

С Горьким скульптор был уже осторожен и не подверг его «кубизации», но критика обошла проект монумента молчанием, и мы нашли в старом журнале лишь его изображение.

Поднаторевший в скульптурных изображениях Ленина и Сталина скульптор Сергей Меркуров придал Горькому позу оратора с поднятой рукой. Но к чему призывал писатель. К буре? Но она уже грянула.

Кому-то из скульпторов Горький показался похожим на деревенского парня, приехавшего в город на заработки, а кому-то скорее «на украинского богатыря, нежели на российского пролетария».

Первоначально, по замыслу, Вера Игнатьевна Мухина планировала своего Горького для установки на Манежной площади. Архитектор Сергей Замокв помог ей прорисовать, как все должно быть.

Но жюри конкурса все больше склонялось к другой фигуре Алексея Максимовича Горького, которую вылепил скульптор Иван Дмитриевич Шадр. Его Горький – это человек на склоне жизни со шляпой и батожкам в руке. Таким его знала Москва.

Для города Горького писатель остался молодым бунтарем в неизменной косоворотке и сапогах с заправленными туда брюками. Еще была широкополая шляпа, но скульптор ее исключила. Волжский ветер должен трепать волосы и плащ писателя. Кстати, именно таким Горький предстает на многих фотографиях нижегородского светописца Максима Петровича Дмитриева. Сейчас уже забыто, но именно эти тиражированные фотографии, продававшиеся на книжных лотках, послужат для молодых современников писателя примером моды. Горькому будут подражать, по мнению молодых, именно так должен был выглядеть «человек из народа».

Вера Игнатьевна Мухина вдумчиво работала над образом Горького, ее сохранившиеся записи хоть и несут заряд патетики, но показывают напряженный творческий процесс скульптора.

«Образ Горького... должен был в моем представлении обобщить нижегородский период его жизни. Мне хотелось, чтобы боль за попранное человеческое достоинство сквозила в его суровом лице, в глазах,

устремленных вдаль, в сжатом кулаке, сдерживаемом другой рукой. Он – как натянутая струна, он сам – дитя назревающей бури, он буревестник революции».

Эти строчки, написанные Верой Игнатьевной Мухиной, появились в «Литературной газете» 2 августа 1952 года, в то время, когда в Горьком шли работы по закладке фундамента памятника.

«Уже в нижегородский период со всей определенностью проявились важнейшие черты личного и творческого облика Горького. Каковы эти черты, выделявшие писателя среди его современников? В работе над памятником Горькому мне пришлось задуматься над ними. Одним из основных качеств, определяющих значение писателя, кроме таланта, является степень его гражданственности. Ею в высшей степени обладал Горький: он не был созерцателем жизни! Страстная, боевая активность отношения к ней – один из основополагающих элементов горьковского миропонимания».

Кроме основной фигуры писателя к памятнику должны были при- мыкать еще три скульптуры: фигура Матери, поднимавшей упавшее знамя, фигура Данко, протягивающего к небу пылающее сердце, и срывающаяся с волны птица-буревестник.

Для Мухиной памятник Горькому был не просто правительственным заказом. Кто хорошо знал Веру Игнатьевну, говорили, что она могла под любым предлогом отказаться от работы – если замечала что-то чуждое для себя в нравственном плане. В галерее созданных ею скульптурных портретов нет ни одного изображения «вождей». Ей заказывали портрет Сталина, но при условии: чтобы не отвлекать вождя, лепить его по фотографии. Она ни секунды не колебалась и ответила отказом. Домашним же сказала: «Я не могу лепить человека с таким узким лбом».

А возьмись она за портрет Горького при жизни, подошел бы он ей в «нравственном плане»?

Думается, что ответ будет утвердительным. В жизни Мухиной, а вернее в судьбе ее семьи, Горький сыграл очень большую «нравственную» роль.

Мужем Веры Игнатьевны был военный врач Алексей Андреевич Замков. Познакомились они в разгар Первой мировой войны, когда она медсестрой работала в госпитале. Алексей Андреевич Замков до сих пор остается фигурой загадочной и мистической. В анкетах он писал, что по своему происхождению он из крестьян. Много позже была найдена его фотография, где он предстает в форме полковника царской армии. Видимо, Алексей Андреевич ее пропустил и не уничтожил.

В разработку чекистов он попал сразу же, как только сделал успешную врачебную карьеру. К нему за помощью стали обращаться московские знаменитости, лечил он и Горького. За всеми этими людьми нужен был пристальный чекистский догляд. Да и за самим доктором тоже. Он к тому времени изобрел гормональный препарат, омолаживающий клетки человеческого организма. Препарат пользовался большим спросом, особенно у жен партийной элиты. Завистливые коллеги обвинили Замкова в мошенничестве и шарлатанстве. Их поддержала газета «Известия».

Один из пациентов доктора посоветовал ему уехать из страны. Алексей Андреевич Замков дрогнул...

Откуда ему было знать, что подбивал его на выезд провокатор из ОГПУ. Вера Игнатьевна Мухина согласилась следовать за мужем. Они прихватили сынишку и отправились в неизвестность...

А неизвестность закончилась в Харькове, где их арестовали. Не сносить бы им головы, но еще не наступили времена жесточайших репрессий.

Вера Игнатьевна так описывала произошедшее:

«Первой допросили меня. Мужа подозревали в том, что он хотел продать за границей секрет своего изобретения. Я сказала, что все было напечатано, открыто и ни от кого не скрывалось.

Меня отпустили, и начались страдания жены, у которой арестовали мужа. Это продолжалось три месяца. Наконец, ко мне домой пришел следователь и сообщил, что мы высылаемся на три года с конфискацией имущества. Я заплакала».

Местом ссылки стал Воронеж. Это, конечно, не безбрежная лесная даль Сибири...

За вызволение семьи принялся Максим Горький. Он мобилизовал пациентов Замкова и поклонников Мухиной. Писал в Политбюро, что талантливому врачу Алексею Андреевичу Замкову требуется не просто свобода, но и... собственный институт.

Удивительно, но Политбюро пошло навстречу. Замков стал заведовать лабораторией, которая со временем переросла в Государственный институт урогравиданотерапии.

Мухина занялась отнятым у нее делом.

Неизвестно, благодарила ли она Горького за вызволение, но вопреки своим принципам лепила его портрет уже по фотографиям и своей памяти.

Но впереди была еще одна опасность, которая могла прервать работу над памятником. И может быть, навсегда. Наступили уже такие времена, когда прошлые заслуги человека ни во что не ставились, а «дела» раскручивались по наветам, анонимкам и доносам...

Донос на Мухину поступил в госкомиссию ЦК партии, когда сдавалась знаменитая скульптура «Рабочий и колхозница», предназначенная венчать советский павильон на Всемирной выставке в Париже. Какой-то доброхот усмотрел в развевающемся шарфе профиль Троцкого. Правда это или неправда, но говорят, что осматривать скульптуру тайно приезжал сам Сталин. Никакого Троцкого он в шарфе не нашел.

После всех этих перипетий Вера Игнатьевна Мухина наконец-то вернулась к памятнику Горькому. Да не к одному, а сразу к двум. Умирая, скульптор Иван Дмитриевич Шадр взял с нее слово, что она закончит его памятник писателю.

А в это время «Горьковская коммуна» сообщила:

«С весны на месте строительства памятника в районе улицы Заломова перед Окским мостом начнутся геологоизыскательские, топографические и другие работы.

Совет Народных Комиссаров СССР отпустил 400 тысяч рублей на предварительные работы по строительству памятника Алексею Максимовичу Горькому на родине писателя».

Оба события случились весной 1941 года. Через месяц с небольшим будет не до них...

Лишь 24 июля 1947 года «Горьковская коммуна» смогла оповестить земляков писателя о том, что «завод “Монументскульптура” закончил отливку бронзового памятника Алексею Максимовичу Горькому, который будет установлен в гор. Горьком. Все работы по сборке памятника завод предполагает завершить в августе».

А работать над памятником Вера Игнатьевна Мухина начала сразу же после окончания войны. В августе 1945 года она с двумя подругами, тоже скульпторами, отправляется в Горький, чтобы окончательно затвердить местопребывание памятника.

«Проехались с большим толком: выбрали для памятника другое место – рядом с этим, но выгоднее. Берег по Оке при слиянии весь зеленый – от травы, очень крутой, в него упирается мост, который идет от Канавина (бывшая Нижегородская ярмарка), от Сормова и Соц.города (огромные заводы). Сначала был памятник запроектирован под мостом, но мы выбрали немного левее, очень холм хорош над Окой. Предисполкому тоже понравилось. Поставили 9-метровый силуэт, выполненный из фанеры, оказалось, что от него гора сразу сократилась. Поставили 7-метровый и попали в точку. Всем понравилось и нам тоже. Сразу нашли размер. Это очень большое дело».

Действительно, определилось главное – памятниковый рост Алексея Максимовича. Мухиной требовалось лишь увеличить давно готовую трехметровую уже утвержденную скульптуру. Заметим, замысел при этом не меняется. Накануне сдачи семиметровой скульптуры Горького в отливку она в газетном интервью сообщила горьковчанам, что по-прежнему рядом с памятником писателю видит Ниловну, поднимающую знамя, Данко с горящим сердцем и гигантского шестиметрового буревестника, срывающегося с волны.

В Горьком разворачиваются работы по закладке фундамента памятника, укрепляется откос. Приближался очередной юбилей писателя – его 80-летие, чем не повод для открытия монумента. И все шло к этому.

Документально точно так и неизвестно, почему произошел срыв памятного юбилейного события, но, видимо, без «помощи» вождя народов здесь не обошлось. Конечно, Сталин знал, что памятник Горькому для его родного города уже отлит. Что же получается: Москва потянется за Горьким? Вождя понять можно. Писатель был для него одной из ключевых политических фигур, таковой и остался. Горький был «приманкой» для писателей мирового уровня, которым щедро показывали «плоды» советской жизни. И Сталин берет идеологическое руководство в свои руки. Где-то же есть памятник Горькому, который изваял Шадр. Почему он не в работе?

И тут вспомнили, что Мухина дала Шадру слово довести все работы по этому памятнику до конца. Ее и призвали к делу. Долгое время авторами памятника Горькому, который стоял у Белорусского вокзала в Москве, считались И. Шадр и В. Мухина. Почему же так? Скульптура Шадра получила одобрение на выставке, обошла изваяние, предложенное Верой Игнатьевной Мухиной, и в итоге почему-то приобрела двух авторов.

Здесь кроется очередная загадка, которую мы и попытаемся решить прямо сейчас. Для этого мы вновь возвращаемся к фигуре Сталина. В марте 1939 года он посылает двух «знатоков» монументального искусства – Лазаря Кагановича и Вячеслава Молотова пристальнее рассмотреть будущий памятник Горькому, предназначенный для Москвы.

Молотов отнесся к рассматриваемой фигуре писателя вполне лояльно, зато у Кагановича замечаний было немало. Правда, в одном они были единодушны: «Образ Горького как основоположника пролетарской литературы в основном показан правильно».

А дальше:

«В фигуре непропорциональны соотношения между туловищем и головой... Излишняя приподнятость головы и вытянутая шея усиливают впечатление о недостаточной величине головы и подбородка, а также подчеркивают чрезмерную худобу горла... Подчеркнутая сутуловатость создает впечатление горба с левой стороны спины... Указанные недостатки усугубляются неправильными пропорциями одежды: пиджак короткий и обтянут, небрежно положенный воротник рубашки искусственно подчеркивает и без того длинную шею, широкий рукав пальто утрирует толщину правой руки».

И как резюме ко всему сказанному:

«Таким образом, изготовленная фигура памятника А.М. Горького в том виде, как он есть, в настоящее время не может быть установлена».

Неужели у этих «знатоков» не нашлось бы придираков и к памятнику, предназначенному в Горький, – но, к счастью, Сталин не отправил их судить еще одну бронзовую отливку. Может, и посчитал: для провинции сойдет.

Можно себе представить «радость» Веры Игнатьевны Мухиной, получившей предписание строгих рецензентов. Памятник Шадра уже отлит в бронзе, и как можно все это исправить? Все надо было делать заново.

Сын Веры Игнатьевны вспоминал: «Я принялся ее уговаривать отказаться от дальнейшей работы над памятником, аргументируя это тем, что в конце концов это образ Шадра, а не ее и она не может нести ответственности за изменения чужого образа. Но не тут-то было. Со слезами на глазах мама говорила, что она обещала Ванечке довести до конца эту работу, что ее окончание не только дело дружбы и чести, но что оно разобьет лед непрерывных запретов на памятники в Москве».

А надо сказать, что со времен ленинского указа о монументальной пропаганде, памятники в Москве ушедшим из жизни современникам появлялись крайне редко. Кандидатуры на возводимые монументы проходили строжайший отбор и утверждение вождя. Достаточно сказать, что есть указ об увековечивании памяти нашего земляка Валерия Павловича Чкалова, много раз речь заходила о сооружении ему памятника, но он так в Москве и не появился. У Сталина был свой взгляд на роль личности в истории, и он расставлял эти личности по своей иерархической лестнице. И если бы Сталин не хватился, трудно сказать, появился бы памятник Горькому в Москве в те годы. К провинции Сталин претензий не имел – ставьте, эти люди ваши!

Вера Игнатьевна, собравшись с силами, взялась за переработку памятника. Сын писал: «...Мы решили переработку эту делать прямо по гипсовой большой модели, к счастью, сохранившейся после бронзовой отливки. Прежде всего мы переработали голову. Изменения произошли очень большие. Более “спокойная” голова потребовала от нас изменений всей фигуры в сторону смягчения силуэта. Гипсовая фигура была установлена на высоте пьедестала, чтобы можно был сразу учесть не только все нужные ракурсные точки зрения, но и общий силуэт с далеких расстояний. Смягчение силуэта потребовало от нас полной переработки спины и всего правого бока статуи.

Передвижение каждой складки потребовало срубания (вручную) многокилограммовых слоев гипса и наращивания их снова в других местах. Эта колоссальная работа заняла у нас все лето и всю осень, когда мы работали на открытом воздухе на лесах зачастую по 12–15 часов в сутки в ветер и в дождь».

Приходилось по несколько раз в день спускаться с лесов и проверять, как смотрится скульптура снизу. За время работы обострилась гипертония, мучила одышка и, как результат – декомпенсация сердца и инфаркт легкого. На открытие памятника, которое состоялось в июне 1951 года, она не пришла, была прикована к постели.

А в это время в Горьком шла полным ходом реконструкция площади, которую в разные годы называли по-разному: Новая, Ново-Базарная, Сенная, Арестантская, 1 Мая. У Алексея Максимовича Горького есть ее описание:

«Широко развертывается Сенная площадь, замкнутая желтым корпусом арестантских рот и пожарной каланчой свинцового цвета. Вокруг глазастой вышки каланчи вертится пожарный сторож, как собака на цепи. Вся площадь изрезана оврагами, в одном на дне его стоит зеленоватая жижа».

Эту самую площадь решено было благоустроить и назвать в честь писателя. И памятник, который должен был стоять на откосе, должен был переместиться на эту площадь.

Вера Игнатьевна Мухина к своим работам относилась довольно своеобразно. «У меня несчастье, – говорила она. – Пока делаю вещи, я их люблю. А потом хоть бы их не было...» Быть может, это своеобразное отношение и спасло ее от сердечного приступа, когда она получила известие о переносе памятника. Столько лет жила в ней идея этого монумента, которая начала воплощаться, и...

Официальная причина отказа от воплощения ее замысла выражалась в заключении геологов, они не давали полной гарантии, что откос выдержит 13-тонного бронзового Горького и не сползет вниз, унося за собой пролетарского писателя.

Но есть еще одна версия, которую описал сын Веры Игнатьевны Всеволод: «На каком-то обсуждении в горисполкоме какое-то ответственное лицо заявило: “Это же не дело, товарищи, куда у вас смотрит Горький? Он смотрит на место ярмарки и Канавино, куда он к потаскухам ходил”. Все! Городские власти охватила такая паника, что они категорически потребовали переноса памятника».

Действительно, сдвинув Горького к краю откоса, Мухина «оторвала» взгляд писателя от Волги и переместила на Оку, на Нижегородскую ярмарку, которая вполне могла восприниматься как рассадник чего-то нехорошего, к чему мог быть причастен и Алексей Максимович.

За бронзовую честь писателя побеспокоились, заключив памятник в окружение площади.

В последний раз Вера Игнатьевна Мухина видела свое творение в январе 1952 года, когда она вместе с архитектором П. Штеллером выбирала лучшее положение памятника. Больше он ее не интересовал. Попутно ей пришлось прийти в ужас, когда она увидела черного Максимыча, словно покрытого ваксой. Она попросила об одном: смыть краску, сделать скульптуру светлее и зеленоватее. Собственно, сейчас мы ее и такой видим. Получили отставку Ниловна, Данко, буревестник. Памятник стал похож на свои стандартные подобию, стоящие в цветочных клумбах. Сроки его открытия несколько раз переносились, наконец 2 ноября 1952 года это произошло. Как водится, недобрым словом помянули врагов народа, убивших писателя.

Веры Игнатьевны Мухиной на открытии памятника не было. Объявили, что она приболела, но ходил и такой слух, что обиделась. Она имела на это право.

Через год ее не стало. Она умерла от стенокардии, которую называли болезнью каменотесов.

На этом закончились приключения памятника, которые продолжались 16 долгих лет. К этим приключениям можно добавить и те, что были связаны с прокладкой метро. Над площадью нависла опасность уничтожения. И хоть было обещано сохранить памятник именно здесь, но в это было трудно поверить. Многотонной бронзовой фигуре писателя трудно было устоять над станцией совсем неглубокого заложения. Последние пикетчики, дежурившие и ночами, ушли с площади, когда стало точно ясно, что от предполагаемого проекта отказались.

«Люблю нижегородцев – хороший народ!» – говаривал наш великий земляк.

Мы тоже вас любим, Алексей Максимович!